

ТАТЬЯНА БЕЛОГОРСКАЯ

ИГРА В КУБИКИ
ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ
И ДЕТЕЙ

Рассказы основаны на реальных исторических событиях. В них удачно сочетаются проза и стихи, юмор и грусть, действительность и вымысел. Особое место автор отводит вечным ценностям — любви, природе, науке, вере. Такая стилистика способствуют интеллектуальному развитию читателей и делает книгу востребованной. Поздравляю автора с достойной работой!

— **Леонид Брегман,**
инженер, Санкт-Петербург, Россия

Книга Татьяны Белогорской написана в жанре мемуаров. Это воспоминания об ушедшей эпохе. Благодаря свойственному автору анализу поведения персонажей они воспринимаются, как присутствующие рядом. Рассказы легко читаются, запоминаются и помогают задуматься о происходящем в настоящее время.

— **Ирина Ионина,**
библиограф, Шампень, США

Название книги соответствует её содержанию. В ней речь о поведении людей разных возрастов в конкретных ситуациях. Это рядовые граждане и деятели культуры и науки, в числе которых известные имена. Увлекательные рассказы с неожиданными сюжетными поворотами — результат умения автора анализировать поведение фигурантов и раскрывать их внутренний мир.

— *Розина Нежинская,*
профессор University of Illinois, USA

С большим интересом читала книгу под названием «Игра в кубики для взрослых и детей». Она написана очень хорошим языком, и в этом качестве автор следует заветам Ивана Тургенева: «Берегите чистоту языка, как святыню...» Закончив один рассказ, тотчас переходила к следующему. Успехов автору в дальнейшей работе!

— *Лиана Хананашвили,*
переводчик, Москва, Россия

ТАТЬЯНА БЕЛОГОРСКАЯ

ИГРА В КУБИКИ
ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ
И ДЕТЕЙ

БОСТОН · 2026 · ЧИКАГО

Татьяна Белогорская

Игра в кубики для взрослых и детей

Tatiana Belogorskaya

A Dice Game for Adults and Children

Copyright © 2026 by Tatiana Belogorskaya

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-970342-21-5

Published by M•GRAPHICS | Boston, MA

❏ www.mgraphics-books.com
✉ mgraphics.books@gmail.com

Produced in conjunction with Bagriy & Company | Chicago, IL

❏ www.bagriycompany.com
✉ printbookru@gmail.com

Edited by Anna Marchenko
Book Design by Yulia Tymoshenko
Cover Design by Larisa Studinskaya

Printed in the United States of America

*Автор благодарит
за помощь в работе над книгой
Ирину Чайковскую,
Анатолия и Дениса Белогорских*

ОГЛАВЛЕНИЕ

На балконе	11
Михалина	22
Фермер или червяк?	35
На эстраде.	53
Первые ученики (Копилка наблюдений)	67
Второй раз в первый класс	84
Цветущая сирень и осенний листопад	98
Чудо доброты	120
Страсти по диссертации	147
Первая ложка	164
На холодном ветру.	176
Жизнь по расписанию.	194
Игра в кошки-мышки	202
Сон в коронавирусную ночь	220
Новогодние подарки.	228
Завещание.	235

НА БАЛКОНЕ

Когда мне было лет шестнадцать, мама раскрыла секрет появления единственного в семье ребёнка. Так я узнала об обстоятельствах своего рождения. Оказалось, что она меня родила... обманным способом. Мама так и сказала: «Ты – обманка».

Дело в том, что мой отец не хотел иметь детей по причине «трудного времени». По этому поводу в течение восьми лет брака он объяснял жене: «В столь непредсказуемое время заводить детей опасно». (Между прочим, подобные разговоры имели место до грядущих событий, загнавших половину страны в сталинские лагеря.)

Слушая мамин рассказ о «жестоком времени», я рассуждала по-своему. В тот момент меня — любопытную девицу — интересовало не моё появление, а демографическая тема вселенского масштаба. Согласно моим наивным рассуждениям, выходило так: в былые годы (например, в дикой Африке в разные времена, в период средневековой чумы в Европе, французской революции XVIII века, в 1917 году в России...) дети представляли собой «обманки».

Впрочем, подобная историческая тема недолго присутствовала в моей голове; согласно юному возрасту, были и поинтереснее.

Надо сказать, что первые минуты моего появления в клинике им. Отто на Васильевском острове таили в себе угрозу. Похоже, я не хотела расставаться с уютным маминым телом. Роды были трудными, в результате акушерка вытащила новорождённую за ноги, а потому одну растянула.

В день моего рождения бабушка заболела скарлатиной, в нашей коммунальной квартире произвели дезинфекцию, а меня

стали перемещать с места на место. Первым моим пристанищем стала бельевая корзина в комнатухе маминой подружки Маруси. Корзину сменил ящик комода в квартире маминого брата. (Древний комод с историческим ящиком существуют по сей день.)

Родственники свидетельствовали: перемещения новорождённой с места на место сопровождалась её плачем неустановленного происхождения. Мама вспоминала, что я ревела без интервалов, причём несвойственным младенцам грубым голосом. (Подозреваю, что уже тогда предчувствовала нежелательные повороты собственной биографии.)

Всё это происходило в условиях тропической жары, необычной для Ленинграда в мае месяце.

Не берусь судить, были ли упомянутые обстоятельства случайностью или несли в себе предупреждение: привыкай, девочка! Готовься к лихим поворотам судьбы...

Что происходило потом? О, в дальнейшем в нашей коммунальной квартире происходило много любопытного, и не без моего участия! Но сперва вспомню ушедшее время. Подобные экскурсии в далёкое прошлое мне необходимы в качестве фона происходившего на балконе — главном объекте этого рассказа.

На Сапёрном переулке (дом № 6, кв.5, тел. Ж-217–85) мои дедушка и бабушка, как я впоследствии вычислила, поселились в 1890 году в качестве молодожёнов. Тогда дом тоже был молодым. (Дата его постройки, выбитая в 1873 году при входе, существует по сей день.)

В отдалённые времена та квартира насчитывала одиннадцать комнат, что соответствовало уровню жизни растущей семьи с тремя сыновьями-погодками, глава которой был преуспевающим петербургским адвокатом. Ещё была прислуга, проживавшая в маленьких комнатах — «людских».

События 1917 года перевернули семейный уклад. В результате так называемого «уплотнения» квартира была поделена на две — одиннадцать комнат сузились до пяти, полторы оставили деду с семьёй.

В такую квартиру-поделенку спустя годы принесли меня в замкнутую у Маруси корзину, беспрерывно ревушую по непонятной причине. Как свидетельствуют родственники и соседи, стоило папе водрузить корзину с дочерью на стол в прихожей, она (то есть я) к радости окружающих перестала плакать. Не догадалась ли на подступах к познанию, что оказалась в благоприятной среде обитания?

Я помню себя лет с трёх. Примерно в это время начала воспринимать нашу коммуналку в качестве собственности. Принадлежащая маме, папе, бабушке и мне большая комната выходила окнами на Сапёрный переулок.

В разные годы мне случалось бывать во многих коммунальных квартирах, но подобных нашей на Сапёрном в период моего детства не видела. Дело в том, что её населяли единомышленники, объединённые общими интересами. Ни о какой вражде соседей и речи не было! Обычно они группировались в столовой, до «уплотнения» служившей прихожей семье моего деда. Это место по многим признакам было знаковым сосредоточением населяющих коммуналку людей.

В столовой-прихожей, на фоне сохранившейся от былых времён массивной вешалки с отделением для галош, за большим столом жильцы трапезничали, принимали гостей, обсуждали спектакли, делились новостями, читали стихи... Мне запомнились многие посетители нашей квартиры, включая Соломона Михоэлса (Соломончика) с женой.

На подступах к репрессиям, выкосившим людей, это был своеобразный островок общих культурных интересов. (Под напором массовых арестов вскоре он перестал существовать.)

В одной бывшей «людской» (метров восемь-десять, окно во двор) возле кухни жила интеллигентная дама, книжница и театралка, сотрудник Эрмитажа и Пушкинского Дома. В её комнате у моей мамы начались роды.

Другую людскую — тоже рядом с кухней — занимала добрейшая тётя Женя, кузина моего папы. В глубине квартиры находилась комната музыкантов — Клары и Миши.

Вот в таком окружении я находилась с раннего детства до поступления в первый класс. И все уделяли мне внимание — принимали участие в кормлении, дарили подарки, называли ласковыми именами, а сердобольная тётя Женя с умильным взглядом на лице — «крошечкой» и «родненькой». Не случайно наша квартира представлялась мне защищённым пространством.

Конечно, бабушка и няня держали меня в поле зрения, но их контроль не мешал мне шастать туда-сюда, включая жильё соседей. К четырём годам я всюю пользовалась этим правом, открыв для себя два притягательных места — туалет и комнату пианистки Клары.

С туалетом у меня были особые отношения.

Дело в том, что в детстве я плохо ела. Это выражалось в том, что во время трапезы старалась вообще не открывать рот. К процессу моей кормёжки были подключены родственники и соседи. Подобную сцену на даче в Разливе неоднократно наблюдал сказочник Евгений Львович Шварц, спустя двадцать лет описавший её в воспоминаниях: «Танечка в то лето ещё не разговаривала почти, беленькая, розовая, светлоглазая, не то всё думающая о своём, не то дремлющая. Когда Наташа просыпалась (дочь Шварца, моя подруга по жизни), обе девочки усаживались на стеклянной маленькой терраске завтракать. И бабушка Белогорская кричала властно: «Ешь! Глотай! Опять она держит кусок за щекой! Что это за существо!» Далее дядя Женя (так я называла Шварца в детстве) пишет про дочь, которая одновременно ела с аппетитом и слушала его рассказы: «Под мои рассказы, под властные окрики бабушки Белогорской: «Не держи за щекой!» — к чему Танечка относилась вполне хладнокровно, мечтательно глядя в окно, — завтрак подходил к концу».

В свою очередь, мне вспоминается котлета за щекой. Когда после недоеденного за столом меня укладывали спать, бабушка приказывала её выплюнуть.

Нарисованная Шварцем картина и предания на этот счёт — истинная правда. Так продолжалось годами в городе и на даче. Любопытно, что спустя лет тридцать я убедилась в том, что

слухи о моём кормлении оказались долгоиграющей пластинкой. Как-то в библиотеке Академии наук некая учёная дама поинтересовалась: не та ли я девочка, которая в детстве плохо ела?

Причина моего голодания неизвестна. Но ребёнок нуждался в какой-то еде, а потому нашёл способ добычи того, что требовал его организм.

В ту пору маленькие девочки на платьицах носили переднички с кармашками. У меня хватило сообразительности использовать такой кармашек для кратковременного хранения продуктов питания — куска хлеба и луковицы. Хлеб я незаметно брала с обеденного стола, а головку луковицы находила в кухне. Затем с ворованной едой закрывалась на крючок в коммунальном туалете, где пристраивалась на стульчаке и с аппетитом приступала к трапезе.

Должна сказать, что поедание лука с хлебом доставляло мне истинное удовольствие. На фоне такого деликатеса остывшая манная каша и молоко с пенкой выглядели отравой. От их образов и теперь вздрагиваю. А вкус чёрного хлеба с репчатым луком не променяю на бутерброд с чёрной икрой. Более того, с далёкого детства сохранила привычку устраивать себе хлебно-луковый ланч.

Вторым объектом моего интереса была комната пианистки Клары.

Не могу сказать, когда арестовали её мужа Мишу. Знаю лишь, что в лагере он находился долго. Поскольку я его не запомнила, о нём и речи нет. А это значит, что мои визиты в их комнату происходили в период одиночества Клары.

В ней, как и в её комнате, я видела нечто особенное.

Высокая, медлительная, с печатью рассеянности на лице, в шёлковом халате восточного образца, Клара ассоциировалась у меня со сказочным существом. В прихожей-столовой и на кухне она обычно появлялась со слегка вытянутыми вперёд руками и растопыренными пальцами. Вероятно, таким способом берегла свои музыкальные руки.

Но больше всего меня привлекала её просторная комната с белой кафельной печкой, роялем, картинами на стенах и главной деталью — балконом. Из разговоров взрослых мне стало известно, что в былые времена, то есть до «уплотнения», эта нарядная комната служила спальней моим дедушке и бабушке.

В нашей большой комнате балкон отсутствовал. А ведь именно он был предметом моего интереса!

Долго ли я вынашивала план проникновения в комнату Клары? Что собиралась там делать? Зачем прихватила с собой деревянный ящик с разного размера кубиками — красными, зелёными, жёлтыми? Почему соседи, родственники и няня не заметили моего исчезновения? На эти вопросы нет ответа. Тогда я была слишком мала для подобных рассуждений, а нынче — спустя череду десятилетий — не берусь оценивать логику мышления ребёнка.

Тем не менее без препятствий (Клара была на кухне) я оказалась там, куда стремилась, и сразу двинулась в сторону балкона.

Поскольку ящик с кубиками мешал мне разглядывать панораму улицы, я опустила его на пол.

Санкт-Петербург, Сапёрный пер., 6.
Третий этаж, балкон слева

Надо сказать, что в ту далёкую пору Сапёрный представлял собой тихое место. Не в пример нынешним временам с рядом машин у каждой парадной, ничего подобного не было. Полагаю, что такси в городе можно было пересчитать по пальцам. Время от времени в переулке появлялась лошадь с подвязанным под мордой мешком с овсом. Как следствие, брусчатка (асфальт тоже отсутствовал) носила следы лошадиного присутствия.

Прежде всего, я ухватилась ручонками за железную решётку балкона, затем тщетно постаралась просунуть голову через ограждение. Голова не пролезала, зато удалось рассмотреть много интересного. В поле моего зрения справа попал небольшой кусок улицы Маяковского (в прошлом Надеждинской), слева тянулся Сапёрный. Когда выяснилось, что мостовую и тротуар не получается увидеть, решила прибегнуть к разведке посредством кубиков. (Таково моё нынешнее предположение; истинная причина участия кубиков в той балконной истории, разумеется, остаётся загадкой.)

Сперва я вынула из ящика один кубик и бросила его за решётку балкона. И он, подобно самоубийце, рухнул вниз. Раздался слабый звук его приземления. Видимо, занятие мне понравилось. За первым броском последовали второй, третий и так далее... А когда в очередной раз нагнулась к ящику и не обнаружила в нём ни одного кубика, скудным умишком поняла: произошло нечто плохое... Попытки разглядеть улетевшие кубики через решётку балкона ни к чему не привели, так как траектория их полёта была скрыта от моих глаз. И тогда, подхватив пустой деревянный ящик, я бросилась за помощью вглубь квартиры...

Произошедшее в дальнейшем хорошо помню.

В прихожей-столовой свет не горел. Но там находилась тётя Женя. Захлёбываясь слезами, я кинулась к ней, ухватилась за её юбку и начала сбивчиво рассказывать о постигшем меня горе. И тут случилось непредвиденное...

Дело в том, что мягкая по натуре, постоянно защищавшая меня тётя впервые проявила себя в несвойственной ей роли воспитателя-моралиста. Но незамужняя и бездетная тётушка не имела опыта воспитания. По её представлениям, от ребёнка надо требовать послушания и соблюдения порядка. Видимо, она решила, что бросание кубиков с третьего этажа — серьёзное нарушение порядка, то есть дело нешуточное. А потому следует принимать воспитательные меры. И тогда она начала действовать методом угроз.

Разумеется, за давностью времени не могу в точности воспроизвести ту речь, но смысл и тон произнесённого помню.

Она руководствовалась приказанием «Нельзя!». Это означало, что я должна благонаравно пить молоко с пенкой и есть морковное пюре, не входить без приглашения в чужие комнаты, не брать без разрешения еду со стола с последующим её употреблением в туалете (намёк на кусок хлеба и луковицу), не бросать игрушки с балкона. Словом, ни шагу в сторону!

Далее следовала пугалка не для детских ушей. Суть её такова. Ты невоспитанная девочка! Ты без разрешения пошла в чужую комнату! Ты поступила отвратительно, а потому заслуживаешь наказания. Кубики тебе уже не принадлежат. Их подобрал милиционер и унёс с собой в милицию. Больше ты их не увидишь. Скоро он придёт за тобой и заберёт тебя... навсегда.

Голосом милиционера тётя Женя продолжала развивать свою мысль. Слушая её, я покорно молчала. А потом, защищаясь от потока ужасных слов, вовсе перестала их воспринимать. Её воспитательный приём (хуже не придумаешь!) моментально ударил по моей психике. Я представила себе стража порядка с суровым лицом и зычным голосом, непременно высокого, с глазами волка из сказки про Красную Шапочку, в милицейской форме с оружием на ремне. Вот он входит в нашу квартиру, берёт меня за руку и навсегда куда-то уводит... Поскольку представления о милиции у меня отсутствовали, она ассоциировалась с жилищем сказочных персонажей — злой волшебницы и бабы Яги.

С этой минуты моя жизнь превратилась в кошмар, так как была подчинена чувству страха во главе с милиционером. Его ожидание буквально преследовало.

Я вздрагивала от любого звука — шагов в прихожей-столовой, звонка телефона в коридоре и в квартиру, раздававшихся голосов. Перед сном с головой закрывалась одеялом, днём забивалась в дальний угол в нашей с бабушкой комнате-пенале. Однажды спряталась в туалете, но была разоблачена тётей Женей и передана няне.

Не лучше дело обстояло на прогулке, где на каждом шагу чудился милиционер.

Хотя в ту пору уже была отменена карточная система на продукты, за ними в магазинах выстраивались очереди. Нередко детей брали с собой в качестве дополнительных покупателей. Как-то мы с няней отправились в магазин на Жуковского с бутылками, предназначенными для разливного масла. Очередь петляла на улице, стояли мы долго. Вдруг поблизости оказался милиционер. Когда я увидела, что он направляется в нашу сторону, моментально спряталась за нянину спину. Не берусь оценивать степень охватившего меня страха. Потом оказалось, что страж порядка увидел в очереди знакомую женщину и подошёл к ней.

Детская психика обладает свойством отторгать раздражители. Прежде всего это относится к малышам. Хотя следы испуга могут сохраняться, но постоянно ребёнок не носит его в себе.

Подобным образом происходило со мной. Вместе с тем не могу ответить на ряд вопросов. Как долго я горевала об утрате любимых кубиков? Когда образ милиционера перестал преследовать? Почему добрейшая тётя Женя, много раз защищавшая меня во время еды, в случае с кубиками проявила себя в несвойственной ей манере?

Мне запомнилось и другое детское горе — утрата куклы. Примерно в том же четырехлетнем возрасте, в той же прихожей-столовой получила её в качестве подарка из рук Соломона Михайловича Михоэлса. Кукла лишилась лица после того, как я протёрла его мочалкой. Тогда я тоже ревела, но присутствовавшие меня не пугали, а успокаивали.

Любопытная деталь: в дальнейшем кубики и кукла в дом не возвратились.

Оглядываясь назад, вижу картину в ином ракурсе. Моя добрейшая тётя в роли Демона стремилась к добру, а совершила

зло по отношению к маленькому ребёнку. Увы, зло возобладало. Но одновременно она дала мне урок: запугивание — не лучший приём воспитания. Никогда с моими детьми и внуками я не общалась посредством угроз.

Прошло много лет. Завершался XX век. Страна и Ленинград поменяли названия. Давным-давно не было ни папы, ни тётки Жени, коммунальная квартира перекочевала на задворки моего сознания — единственного свидетеля происходившего на балконе в комнате пианистки Клары. Словом, наступили другие времена с иными действующими лицами. И тут произошло то, что увековечил Фёдор Тютчев правдивой строкой: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...»

Действительно, в былом объёме прошлое не возвращается, но в определённых условиях способно напоминать о себе, причудливо переплетаться с настоящим. Для этого требуется похожая ситуация. Именно так произошло со мной. Столкновение с постовым на проезжей части Невского вытянуло из памяти давнишнюю историю с бросанием кубиков с чужого балкона и мнимым присутствием милиционера, которым стращала тётушка.

Суть произошедшего такова.

До эмиграции нашей семьи оставались считанные дни. Не все дела были завершены, поэтому я торопилась их довести до конца. Обдумывая последовательность действий, в состоянии рассеянности пересекала Невский в неполюженном месте. А когда нарушила правила перехода, была остановлена милиционером — молоденьким парнишкой по фамилии Глушков. Похоже, он только-только приступил к работе уличного блюстителя порядка. Первым делом он потребовал документ, удостоверяющий мою личность. Все документы уже находились в ОВИРе, мне нечего было ему предъявить. И тут с его стороны начались пугалки штрафом (денег у меня с собой было всего ничего), отправкой на учёбу в районное отделение милиции для изучения правил поведения на улице и выяснения моей личности.

Всего этого было достаточно для того, чтобы далёкое прошлое напомнило о себе. Память мгновенно высветила милиционера, придуманного тётей Женей в воспитательных целях. Но я была уже не маленькой пугливой девочкой, а человеком с опытом поведения в социальной среде, поэтому начала действовать по принципу: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих». И тогда устроила безумому постовому спектакль — косила под дурочку, этакую городскую сумасшедшую. Я долго морочила ему голову, в результате он меня отпустил.

По дороге домой я восстановила в памяти былую историю с участием кубиков, балкона в доме на Сапёрном, несуществующего милиционера и моего панического страха быть им забранной. В тот же день записала произошедшее на Невском, а спустя годы этот комический случай лёг в основу рассказа «Глушков».

P.S. Дом на Сапёрном в Санкт-Петербурге с балконом на третьем этаже существует. В последний раз я была в квартире под № 5 в начале нового века. В бывшей уютной прихожей-столовой, нагруженной коммунальной утварью, мне открылась картина запустения. При взгляде на неё мне чудился звук падающих с балкона разноцветных кубиков.

МИХАЛИНА

В моём рабочем отсеке на стеллаже среди книг находится фотография женщины. Предполагаю, что фото относится к концу 50-х годов прошлого века. Ко мне оно попало лет сорок назад, и с тех пор с ним не расстаюсь — постоянно сталкиваюсь глазами со знакомым лицом. А увидевшие его впервые с любопытством спрашивают: «Кто она? Ваша родственница?»

Нет, в кровном родстве мы не состояли, но нас связывало многолетнее общение, построенное на доверительных отношениях. А это, пожалуй, равносильно близкому родству в лучших его проявлениях.

Наше длительное общение происходило так давно, что иногда мысленно прибегаю к фразе Максима Горького: «А был ли мальчик? Может быть, мальчика и не было?» Одновременно знаю, что символический *мальчик* не только существовал, но и занимал в моей жизни особое место, причём носил конкретные имя и фамилию — Михалина Петровна Бронштейн.

Поскольку наша первая встреча выглядела необычно, восстанавлю некоторые её детали.

Я только-только приступила к работе в своём родном институте. (С момента его открытия в 1918 году он несколько раз менял название: Институт внешкольного образования, Библиотечный институт им. Н.К.Крупской, Институт культуры.) Это значит, что недавняя студентка вживалась в новую роль младшего сотрудника кафедры библиографии. Благодаря лекциям профессора С.А.Рейсера, с незапамятных времён работавшего в институте, студенты знакомились с историей старинного здания. Для ясности опишу некоторые его особенности. (Такой экскурс даёт представление о месте,

с которым связаны наши с Михалиной профессиональные судьбы.)

С момента открытия институт находился в Ленинграде на Дворцовой набережной в особняке, расположенном между Марсовым полем, Невой и Летним садом. Особняк был построен в конце XVIII века итальянским архитектором Джакомо Кваренги. В пору моего студенчества, а затем и сотрудничества на кафедре, особняк ещё сохранял первозданные черты. Едва ли не главным его украшением была мраморная лестница, ведущая в бывшие танцевальные залы. По обе стороны от неё находились внушительных размеров итальянские вазы.

В 20–30-х годах XIX века особняк занимала семья австрийского посла графа Карла Фикельмона. Он был женат на внучке полководца Михаила Кутузова — Дарье (Долли) Тизенгаузен. Здесь же находились апартаменты её матери Елизаветы (Элиз) Хитрово — почитательницы Пушкина. На балах у четы Фикельмон бывали представители высшего света Петербурга, включая Пушкина, князя Петра Вяземского, поэта, переводчика «Илиады» Николая Гнедича... В великокняжеском салоне, в отличие, например, от музыкального салона Энгельгардта на Невском, преобладали политические интересы.

Не случайно особняку посвящены такие строки:

Вот дом, который знал поэт
И в нём поэтом оставался:
Шутил, дурачился, смеялся,
Негодовал на целый свет.
Ах, эти стены...

Рядом со знаменитой лестницей и одной из ваз произошла наша с Михалиной Петровной встреча. Удивительно, что в то первое столкновение она поведала мне о судьбе своего брата — физика-теоретика Матвея Петровича Бронштейна. Как я узнала от неё, без суда и следствия расстрелянного в 1938 году. Что побудило её остановить меня — незнакомую вчерашнюю

студентку? Почему поведала трагическую семейную историю? Искала ли внимательного собеседника? Слышала ли о моей причастности к роду знаменитого литературоведа Семёна Афанасьевича Венгерова, таким опосредованным путём хотела познакомиться с его потомком? (Его портрет висел в соседней аудитории.) На эти вопросы у меня нет ответа.

Ошарашенная рассказом о трагической судьбе брата, я слушала её со вниманием, но не считала возможным задавать какие-либо вопросы.

С той первой беседы началось наше профессиональное и личное общение, растянувшееся на два десятилетия. Но в дальнейшем о расстреле Матвея Петровича она со мной не говорила. (Мне предстояло узнать от неё не менее страшную семейную историю, о которой расскажу.)

Я обратила внимание на то, что сотрудники института в разговорах между собой отбрасывают её отчество. Там и тут звучали фразы: «Михалина сказала», «Михалина предупредила», «Михалина считает»... Это привело к тому, что её имя стало неким символом. Вскоре мне открылась суть такого усечённого обращения с ним.

Михалина Петровна Бронштейн

В ту пору на кафедре литературы хранителем фонда был симпатичный старичок. Оказалось, что в 20-е годы он работал в театре вместе с моим отцом. Мы начали общаться. Его имя не помню, да и вскоре он покинул институт. Но за короткое время нашего знакомства он прояснил мне, почему Михалина Петровна утратила своё отчество. Судя по его словам, выходило так. В качестве редактора и преподавателя она известна всем. Её уважают. Но главное

состоит в её раскованности и независимости: делает и говорит то, что считает нужным, ничего и никого не боится. Кругом разные люди, а она отдельная. Подобных ей много не бывает. Словом, она другая. А потому имя Михалина в виде символа закрепилось за ней.

Впоследствии я убедилась в правоте слов старичка: Михалина Петровна Бронштейн — штучный экземпляр. Не случайно по сей день она для меня *другая*.

В качестве редактора она имела непосредственное отношение ко всем институтским печатным изданиям — учебникам, сборникам научных работ, статьям сотрудников, авторефератам диссертаций... Её пометки красной авторучкой были известны профессорско-преподавательскому коллективу и аспирантам. Не секрет: такие редакторские правки не только освобождали авторские тексты от неточностей, но и влияли на их стилистику. Как правило, в процессе работы Михалины над рукописью её автор напрягался. Очевидцы рассказывали об уважительном отношении к ней в Министерстве культуры РСФСР, куда она обращалась за разрешением издать учебники и труды института. Безусловно, её длившаяся годами редакторская деятельность вывела издания института на новый уровень.

Навсегда я запомнила нашу совместную работу над моей первой статьёй. И это при том, что за давностью лет не помню ни её названия, ни содержания.

Прижимая к себе текст, я остановилась перед дверью в аудиторию, откуда раздавались голоса на повышенных тонах. Внезапно дверь открылась, появился доцент со свекольного цвета лицом и остановившимися глазами. Наступила моя очередь. Приготовившись к инквизиции, вошла. Руки и ноги не повиновались. В глаза бросились разбросанные по столу листы, испещрённые красными пометками. И тут Михалина Петровна добродушно произнесла фразу, в момент погасившую моё напряжение: «Не волнуйтесь, Танечка. Вам ЭТО не угрожает».

В тот день я поняла, какой разной она бывает и каково истинное значение применимого к ней понятия *другая*.

Вскоре она серьёзно заболела, перенесла операцию, изменившую её красивое лицо. В тот трудный период я бывала в онкологическом центре, а потом и у неё дома. Один из визитов запомнился своей необычностью.

Стояла ранняя осень. Мы сидели на скамейке в больничном парке, и я рассказывала Михалине о делах в институте. Неподалёку передвигался человек с каким-то устройством в руках. Обратившись ко мне, он произнёс фразу, заставившую вздрогнуть: «Вы сидите тут с больной, а у меня Гейгер зашкаливает...» В ответ на его предупреждение Михалина пояснила: «Во мне девять радиоактивных иголок...» В ту пору были такие методы лечения. А мы были беспечными. Длительное время её наблюдал профессор Холдин — известный в Ленинграде онколог. В день зарплаты она уточняла: «Эти купюры в фонд Холдина». В дальнейшем болезнь отступила, но на лице сохранились следы перенесённой операции.

Постепенно из её экскурсов в прошлое я узнавала о семье Бронштейн.

Михалина родилась в 1902 году в украинской провинции в семье врача. Два брата-близнеца — Исидор и Матвей — младше её на несколько лет. Позднее семья переехала в Киев. С раннего возраста дети были приучены к чтению, что определило дальнейшую их судьбу. Став выдающимся физиком, Митя владел несколькими языками. По словам Михалины, живущий в Киеве брат Изя — «великий книжник». Стало быть, они схожи привязанностью к разного рода текстам.

В середине 20-х годов, как и брат Матвей, она переехала в Ленинград. В 30-х годах он женился на Лидии Корнеевне Чуковской, и этот недолгий брак оказался счастливым. У Михалины тоже появилась семья — муж, сын, невестка, позднее двое внуков.

До войны она работала в Доме занимательной науки, где редактировала естественнонаучную литературу. В то время Лидия Чуковская тоже работала редактором в Детиздате. Интерес к естественным наукам сопровождал Михалину всегда. Не

случайно с довоенного времени в институте она преподавала курс «Библиография естествознания». В этом отношении наши профессиональные интересы совпали.

В книге «Записки об Анне Ахматовой. Книга 2» Лидия Корнеевна рассказывает о допросе Михалины в связи с делом брата Мити. О реабилитации мужа она узнала спустя двадцать лет.

Я обратила внимание на то, что в наших разговорах имена Чуковских почти не звучали. Не берусь судить о характере их отношений и о причине отсутствия родственных связей между семьями после трагической гибели Матвея. Любопытно, что Елена — дочь Лидии Корнеевны от первого брака — и внучка Михалины, тоже Лена, носили одно домашнее имя — Люша. Разница в их будущем: Елена Цезаревна Чуковская достойно продолжила дело деда и матери, а внучка Михалины не оправдала её надежд. И это при том, что бабушка вложила немало усилий в её воспитание.

Её рассказ о поездке в Киев после окончания войны потряс бы любого. Там произошло следующее.

В начале войны старики Бронштейны вместе с сыном Изей эвакуировались. По дороге они скончались от сыпного тифа, а Изя выжил. Родители мужа Михалины оказались в оккупированном Киеве. В первый свой визит в город детства и юности она направилась к дому, с которым была связана её молодость и где жильцы её знали. (Дальше привожу рассказ Михалины.)

— Бабушка, вы меня не узнаете? — спросила я сидящую на лавочке старушку. Подслеповато всматриваясь в меня, она произнесла: «Ты ли это, Михася? Я долго тебя ждала...» Затем она поднялась в свою квартиру и вернулась с листком бумаги — прощальным письмом родителей моего мужа. В нём они писали о том, что их ждёт. А ждал их Бабий Яр, где оба погибли.

Для мужа Михалины страшная весть о гибели родителей обернулась инфарктом. «Ночью я прислушиваюсь к его дыханию», — как-то призналась она. Вскоре он скончался. В один из визитов на кладбище рядом с его могилой какой-то бандит (она считала, что антисемит) ударил её по голове. Полученная травма оказалась серьёзной. Михалину обнаружил военный, помог добраться

до машины и привёз домой. По этому поводу она заметила: «Я всегда считала, что хороших людей больше, чем плохих».

Вернусь к работе Михалины Петровны в институте. Помню её неординарные поступки, подтверждающие справедливость латинской поговорки: «Что позволено Юпитеру, не позволено быку». В роли Юпитера ей многое прощалось, включая публичные высказывания. А они несли в себе заряд юмора, иронии, артистичности с россыпью острот, тем самым свидетельствовали о её таланте.

На каком-то банкете я стала невольным свидетелем её разговора с соседом. Речь шла об Израиле. На его нелестную характеристику этого государства она отреагировала с оттенком иронии: «Конечно, вы исходите из состава моей крови и фамилии, а потому хотели бы видеть похороненной на земле предков, и чем скорее, тем лучше. Но ваша мечта невыполнима». (Подобные фразы легко запоминались.)

Другие примеры словесных вольностей Михалины имели место в актовом зале, в котором некогда танцевали гости Фикельмонов. Стоя на кафедре, она обличала проректора института, обладателя внушительной бороды — покрутила пальцем у виска и произнесла: «У него *ботвы* больше, чем вещества, которым думают».

Следующей её жертвой в тот день был с недавних пор член коллектива, доцент с диссертацией на сельскохозяйственную тему. «Это тот, который рассказывает студентам, сколько ГЕ приходится на каждый ГА», — произнесла она. (Общеизвестно, что *ге* означает навоз, а *га* — гектар.) Смех в зале и аплодисменты были ответом на подобные характеристики. Один коллега оценил их как *классику жанра*. (Впоследствии я использовала хлёсткие выражения Михалины во время работы со студентами на совхозном поле:

Я знаю, сколько ГЕ на ГА
расходует совхоз,
как формируются стога
и как растёт овёс...)

Вспоминается мне трагикомический случай, получивший название *пятаки*. Однажды она редактировала текст доцента — достойного специалиста, но упрямого человека. В процессе работы возникла напряжённая ситуация. Когда автор текста произнёс *вы должны*, Михалина воскликнула: «Вы меня не занимали, а потому я вам ничего не должна!» Вскоре он повесил на ручку её рабочего кабинета мешок с мелочью достоинством в одну-пять копеек и запиской: «Ваш гонорар». Дальнейшая судьба мешка мне неизвестна, но я наблюдала реакцию Михалины на столь необычный способ оплаты редакторского труда. Пар она выпустила в свойственной ей манере.

Она говорила без оглядки на институтское начальство и *выше*. Удивительно, что в репрессивные годы не последовала за братом Митей.

Как неравнодушный человек с зорким взглядом, всегда имела своё мнение. Ей до всего было дело. Однажды мы столкнулись в метро. Напротив сидела девушка в весьма откровенной позе. Впечатляющее зрелище! Глядя на неё, Михалина шепнула мне: «ЭТО надо мыть с мылом, а не демонстрировать человечеству». В другой раз она отреагировала на манеру исполнения популярной эстрадной певицы: «Почему она поёт не своим голосом?! Я ей напишу...» Когда в проходной института появился турникет для прохода преподавателей и студентов, Михалина поинтересовалась у ректора: «Кто ответит за преждевременные роды студенток?»

Я бы не сказала, что сотрудники института и студенты её боялись. Скорее уважали, видели в ней неординарную личность, а потому прощали особенности поведения. Старейшая уборщица института называла её *Михалинушкой* и потчевала пирожками. Пожалуй, среди преподавателей и аспирантов не было ни одного, не оценившего её работу в качестве редактора и педагога. Со своей стороны, она не использовала фамильярное обращение «ты». Общение с ней многому всех нас научило, в частности, иными глазами воспринимать текст. (С тех пор я воспринимаю чужой текст лучше, чем свой.)

Раскованная и независимая, она была открыта для общения, но с определённым кругом людей. Поедом она никого не ела, напротив, помогала. Не случайно спустя годы её коллеги и ученики адресовали ей слова благодарности.

Видится мне такая картина. В пустой аудитории два человека — Михалина и один из институтских зубров. Чаще всего это профессор Бухштаб или профессор Рейсер. Затягиваясь папиромой и отбрасывая пепел в самодельные бумажные кораблики, она ведёт с профессором неспешный разговор на тему, касающуюся лишь их двоих. А появившийся на пороге случайный свидетель тут же закрывает дверь. Насколько помню, после операции Михалина Петровна отказалась от длительного пристрастия к курению.

Однажды между нами состоялся разговор, оставивший след в памяти. Он произошёл в пору, когда из сталинских лагерей стали возвращаться репрессированные.

Михалина говорила коротко и в жёсткой форме. Суть её слов такова. Возвратившемуся из лагеря человеку известно имя доносчика. На допросе следователь показал ему текст доноса за подписью автора. Он член нашего институтского коллектива. Теперь для меня он нерукопожатный. Вы с ним близко знакомы. Поступайте так, как сочтёте нужным.

Признаюсь, я была потрясена. Тот разговор задел меня с двух сторон. Во-первых, не поверила Михалине Петровне. Нет! Неправда! Такого не может быть! Это не он! Во-вторых, сказанное ею напомнило о происходившем в моей большой семье, в которой — страшно вспомнить — одиннадцать родственников (!) подверглись репрессиям. В их числе двое расстрелянных (судьба третьего выяснилась позднее.) И в отдалённом круге таковые имелись, например, расстрелянный сын Семёна Венгерова.

Лидия Чуковская знала написавшего донос на её мужа. Впоследствии она упомянула его имя в одной из своих книг.

Мне необходимо было избавиться от состояния неопределённости. И тогда я решила самостоятельно разобраться в этой истории, причём грубым способом. (Молодость нетерпелива, ей

свойственно рубить сплеча.) При первой же встрече с нерукопожатным задала ему вопрос: ДА или НЕТ? Ответ был написан на его лице. Когда увидела маску и жёсткое выражение глаз, поняла: Михалина права. От меня он отгородился фразой: «Не говорите того, о чём имеете слабое представление».

Такое было время. (Имя нерукопожатного значится в энциклопедии.)

Со временем Михалина Петровна начала дарить мне книги профессионального содержания с автографами. Один из них подвёл итог пройденного нами пути: «По юности Танечке. Измученный редактор». (Перед отъездом в Америку подаренные ею книги я передала в институтскую библиотеку.)

Неудивительно, что многолетнее напряжение давало о себе знать. Одно время она редактировала с перевязанной кистью правой руки. Работать ей приходилось не только в институте, но и дома. Институт она покидала с неизменным портфелем, прозванным ею «научно-хозяйственным». По её словам, в нём уживаются диссертация, статья и пакет с картофелем. Когда старушка уборщица под вечер прощалась с ней, то сердобольно напутствовала: «Отдыхай, Михалинушка». Безусловно, институт стал её вторым домом.

Будучи трудоголиком — этакой трудолюбивой пчёлкой, едва ли отдыхала дома. Чтение текстов сменяли хозяйственные дела — приготовление борща и фаршированных яиц (то и другое по её рецепту и отменного вкуса), пришивание пуговиц на одежде домочадцев, уход за попугаем... Мне довелось побывать на трёх квартирах Михалины и убедиться в том, что она отличная хозяйка. Вообще, любую работу она выполняла хорошо.

Когда однажды мы с ней подходили к её дому, заметили на лавочке беседующих старушек. Глядя на них, она произнесла: «Вот этого я больше всего боюсь». В ответ я её успокоила: «Михалина Петровна, *это* вам не угрожает». (Будущее подтвердило правоту моей реплики.)

В другой раз я встретила Михалину на Литейном и сразу обратила внимание на то, как ей нелегко нести увесистый

научно-хозяйственный портфель. Тогда впервые увидела в ней пожилого человека. Ведь ей было уже за семьдесят лет.

Ранней весной она попала в больницу, перенесла операцию на жёлчном пузыре. Мне запомнились детали солнечного дня 2 мая. В цветочном магазине вблизи метро «Площадь Восстания» я купила охапку разноцветных тюльпанов и отправилась в больницу. В палате нянечка суежилась, расставляя цветы. Михалина чувствовала себя хорошо, готовилась к предстоящей выписке. Мы много разговаривали, шутили, договорились в скором времени встретиться в институте.

Тёплый май сменил холодный июнь. В конце месяца умерла её подруга. Ослабленная после операции, Михалина поехала на похороны, простудилась и спустя несколько дней скончалась. Ей было семьдесят четыре года, пенсию воспринимала отдалённо, со старушками на лавочке не сидела. Много лет назад победив жестокую болезнь, стала жертвой вульгарной простуды.

В те дни я находилась на даче, куда мой муж привёз горькую весть о кончине Михалины Петровны.

Она не дожидая до *перестройки* в стране. Не знаю, как бы восприняла произошедшее в ту пору в России, как оценила бы нынешнее время.

Она на тридцать восемь лет пережила брата Митю, без суда и следствия расстрелянного в чумном 1938 году. Пережила она и лечившего её онколога профессора Холдина.

С момента ухода Михалины Петровны прошли годы... Сменилось поколение, нет многих, кому довелось общаться с ней. Безусловно, она относилась к категории незаурядных людей, прежде всего, была профессионалом высокого класса. Неоднозначная в своих оценках, даже резкая, одновременно ценила оригинальную мысль и доходчивое её выражение. Её похвала в виде «недурно» или «ничего себе» воспринималась как материнская ласка. Сохранились письменные свидетельства её участия в судьбах людей, которым она помогала в работе и в повседневной жизни.

С институтом Михалина была связана около сорока лет. Один из её учеников, впоследствии профессор, включил её письмо в книгу своих воспоминаний. Оно носит сугубо деловой характер и в этой плоскости даёт представление о её высоком профессиональном уровне в качестве библиографа, библиографоведа, педагога.

Другая её ученица, впоследствии заведующая кафедрой, назвала её «феноменально образованным человеком» и «редактором от бога».

Трудно представить, какой сгусток горя несли в душах близкие Матвея Бронштейна — старики родители, брат и сестра, жена.

Его рука оставила следы гениального мозга. В области теории гравитации и космологии он прикоснулся к святым святым — к таинству жизни и смерти. А другая рука подписала ему смертный приговор. По вине *той* руки он прожил всего тридцать один год. За прошедшее время наука шагнула вперёд. Имя Матвея Петровича Бронштейна вписано в мировую науку.

Есть люди, с уходом которых не меркнут их краски. Такой остаётся для меня *другая* Михалина. Когда нынче смотрю на её портрет, видится слегка сутулая фигура, внимательный взгляд, изящные пальцы, сжимающие авторучку красного цвета, увесистый научно-хозяйственный портфель. В такие минуты думаю о выпавшей мне удаче встретить её на жизненном пути. Вспоминаю и объединившее нас место, образно отмеченное поэтом-эмигрантом Георгием Ивановым:

Быть может, города другие и прекрасны.
Но что они для нас? Нам не забыть, увы,
Как были счастливы, как были мы несчастны
В волшебном городе на берегу Невы.
От себя добавлю: в особняке Джакомо Кваренги.

P.S. В 2015 году моя семья обратилась в проект «Последний адрес» с просьбой установить памятный знак в Санкт-Петербурге на доме (Загородный проспект, дом 11), из которого

увели Матвея Петровича Бронштейна. В феврале 2017 года состоялось открытие мемориала. Небольшую табличку на стене дома укреплял Валерий Павлович Леонов, директор Российской Библиотеки Академии наук, ученик и коллега Михалины Петровны. От потомков семей Бронштейн и Чуковских на открытии не было никого.

ТАТЬЯНА БЕЛОГОРСКАЯ по профессии библиограф, кандидат педагогических наук, писатель. Долгие годы преподавала в Ленинградском институте (университете) культуры. Живёт в США с 1994 года. Печатается в США и России.

В числе её публикаций книги, написанные в жанре мемуаров: «Портреты в интерьере времени» (2011), «Автографы» (2013), «Селигер: от рассвета до рассвета» (2014), «Призраки белых ночей» (2016), и роман «Заколдованный полустанок» (2021).

Новая книга Татьяны Белогорской состоит из рассказов, посвящённых людям различного возраста и профессий, а также событиям, происходившим в XX веке. Рассказы основаны на реальных исторических событиях. В них удачно сочетаются проза и стихи, юмор и грусть, действительность и вымысел. Особое место автор отводит вечным ценностям — любви, природе, науке, вере. В книге нет одностороннего взгляда на действия персонажей. Она пронизана добром, прощением, надеждами.

Книга написана в жанре мемуаров. Это воспоминания об ушедшей эпохе. Благодаря свойственному автору анализу поведения персонажей они воспринимаются, как присутствующие рядом. Рассказы легко читаются, запоминаются и помогают задуматься о происходящем в настоящее время.

ISBN 978-1-970342-21-5

